

Статья опубликована в: Гоголезнавчі студії: Вип. 3 (20). – Ніжин: ФОП Лук'яненко В.В. ТПК «Орхідея», 2013. – С. 283 – 293.

УДК 929Гоголь «1909»

Мусий Валентина Борисовна
(Одесса, Украина)

ЧЕСТВОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ В ОДЕССЕ

Аннотация

В статье систематизируются фрагменты из речей, газетных статей или же лекций, с которыми выступали одесские авторы в 1909 году, стараясь выразить свое понимание личности и произведений Гоголя, передать впечатления от личных встреч с великим писателем или же с теми, кто был знаком с Гоголем во время его пребывания в Одессе.

Ключевые слова: Гоголь, юбилей, Одесса, интерпретация личности и творчества

Анотація

В статті систематизовано фрагменти виступів, лекцій, статей з періодики, з якими у 1909 році виступили одеські автори, намагаючись передати своє розуміння особистості та творів Гоголя, своє враження від зустрічей з видатним письменником, або ж з тими, хто був знайом з ним, коли Гоголь перебував в Одесі.

Ключові слова: Гоголь, ювілей, Одеса, інтерпретація особистості та творчості

Summary

The article is devoted to the description and systematizing of excerpts from speeches, articles, lectures in which Odessa's authors in 1909 tried to formulate their understanding of Gogol's individuality and artistic work, express own impressions after meetings with outstanding writer, or impressions of such people, who were acquainted with Gogol in Odessa

Key words: Gogol, jubilee, Odessa, interpretation of individuality and work

Николай Васильевич Гоголь приезжал в Одессу два раза: на несколько дней (с середины апреля до начала мая) в 1848 году и с конца осени 1850 года до середины весны 1851 года. Но для Одессы эти, хотя и немногочисленные, встречи с великим писателем имели особое значение. Поэтому становится понятной охваченность одесситов подготовкой и проведением гоголевского юбилея в 1909 году, когда исполнилось сто лет со дня его рождения. 18 марта (в нашей статье даты приводятся в соответствии с тем, как они указаны в

использованных нами источниках) в зале «Гармония» состоялся «Художественный Гоголевский вечер», устроенный творческой интеллигенцией города в пользу «недостаточных» учеников Одесского Художественного училища. В начале вечера была произнесена речь о Гоголе (Г.М. Пекаторфосом), затем последовали художественная постановка, в которой приняли участие художники Костанди, Заузе и Эгизз, представление «живых картин» («Чичиков и Коробочка», «Тарас Бульба на хуторе»), был исполнен концерт для скрипки. В третьем отделении со сцены в зал, как сообщается в заметке об этом вечере в газете «Одесская почта», «повалила разношерстная толпа, представлявшая собою Гоголевские типы из серии «Вечера на хуторе близ Диканьки». Этот импровизированный «Сорочинский ярмарок» прошел с большим оживлением» [1]. Самым же насыщенным мероприятием стало 20 марта 1909 года. В Кафедральном Соборе, во всех одесских духовно-учебных заведениях, а также в казенных мужских гимназиях, реальных училищах, Мариинской гимназии, в университетской церкви и проч. были отслужены панихиды. Во всех войсковых частях одесского военного округа не производилось строевых занятий, и, по распоряжению командующего войсками барона А.В. Каульбарса, среди войск устраивались чтения, посвященные памяти великого писателя. В одесском юнкерском училище и кадетском корпусе были устроены вечера, а в юнкерском училище, кроме того, поставлена «Женитьба» Гоголя. В Городском театре состоялся торжественный вечер. Он открылся народным гимном, затем зрителям были представлены спектакль по пьесе «Ревизор», а также живые картины, изображавшие гоголевских персонажей. На сцене находился бюст писателя. Позади – полотно с портретом Гоголя за работой. Апофеозом праздника стал выход на сцену учащихся, которые положили на бюст Гоголя венки. Театр, сообщается в прессе, был переполнен.

Особо значимым в проведении юбилея Гоголя в Одессе было участие Императорского Новороссийского университета. После панихиды в университетской церкви здесь прошло торжественное публичное собрание

совета университета. Присутствовали японский принц Куми, преосвященный Анатолий Елисаветградский, командующий войсками одесского округа генерал от кавалерии барон А.В. Каульбарс, одесский градоначальник генерал-майор И.Н. Толмачев, попечитель учебного округа профессор А.И. Щербатов, другие приглашенные лица, профессора и студенты. В начале и конце заседания хор университетской церкви пропел народный гимн [2]. В целом же разработка планов торжественных мероприятий началась в университете задолго, еще в 1908 году. [3].

По предложению члена Историко-филологического общества А.Д. Щербины Правление Общества 8 ноября 1908 года внесло на обсуждение соединенного собрания Общества и его Педагогического отдела вопрос об участии во Всероссийском торжестве по случаю столетней годовщины со дня рождения Н.В. Гоголя. Для детальной разработки программы чествований была избрана специальная Гоголевская комиссия в составе: С.Г. Вилинского, А.П. Доброклонского (председатель Историко-филологического общества), А.Ф. Петровского, А.П. Флерова, А.Д. Щербины. 16 марта, на 249-м заседании Историко-филологического общества с докладом «О родине Гоголя» выступил П.К. Борзаковский, а на заседании № 250 от 22 марта 1909 были заслушаны доклады С.П. Шелухина («Гоголь и малороссийское общество»), В.В. Данилова («Влияние бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторе близ Диканьки») и Х.П. Ящуржинского («Нравственно-общественные идеалы Гоголя») [3]. Впоследствии доклады С.П. Шелухина, В.В. Данилова, Х.П. Ящуржинского были опубликованы в «Сборнике Императорского Новороссийского университета по случаю столетия со дня рождения Н.В. Гоголя» (Одесса, 1909). В этот сборник также вошли речи профессора С.Г. Вилинского «Гоголь в истории русского общественного самосознания» и «Гоголь и русская литература», слово «Светлой памяти Н.В.Гоголя», произнесенное А.М. Клитиним перед панихидою 20 марта 1909 года, «Великий меланхолик» В.Ф. Лазурского, речь В.Н. Мочульского «Что завещал Гоголь созданной им натуральной школе», произнесенная в торжественном собрании

Императорского Новороссийского университета 20 мая 1909 года, а также текст выступления А.И. Маркевича (состоявшегося 17 марта 1902 года) о пребывании Н.В. Гоголя в Одессе. Педагогическим отделом Историко-филологического общества были организованы лекции для учащихся трех старших классов среднего звена учебных заведений, «применительно к уровню их умственного развития». Детальная разработка их организации была поручена А.П.Флерову. Всего было запланировано 6 лекций. Но прочитаны не все: одна, В.Ю. Стаменова «Психология творчества Гоголя», была отменена в виду болезни лектора, а другая, Л.Р.Когана «Гоголь – проповедник и пророк», - в связи с ограниченностью во времени. В результате в феврале и первой половине марта 1909 года учащимся Одессы учеными университета было прочитано 4 лекции: Н.А.Редько «Гоголевский смех», А.Д. Щербины «Н.В.Гоголь и герои его великих творений», Г.П. Бельченко «Душевная драма Гоголя», В.Ф. Чемены «Гоголь как национальный поэт». С информацией о результатах этих чтений 23 марта 1909 года на 39-ом заседании Отдела выступил его секретарь Потапов [4, с.176 - 206].

Из отчета следует, что лекции проходили в час дня в Физической аудитории университета. Их чтение сопровождалось демонстрацией световых (теневых) картин на гоголевские сюжеты, за постановку которых отвечал член Педагогического отдела Историко-филологического общества В.А.Жуковский, а за составление сопроводительного текста к ним - В.Ф. Чемена. Кроме того, читались также и отрывки из сочинений Н.В. Гоголя.

Среди почетных гостей были: попечитель Одесского учебного округа с семьей, ректор университета, градоначальник Одессы, председатель университетской Гоголевской комиссии М.Г. Попруженко. На отдельных лекциях также присутствовали председатель Историко-филологического общества А.П. Доброклонский, профессор Б.М.Ляпунов, ректор Одесской Духовной Семинарии, инспектора учебных заведений. Интерес к лекциям учащихся и их преподавателей подтвердила их многолюдность (по 700-800 человек на каждой). И это несмотря на то, что чтение продолжалось до двух

часов, а в аудитории было душно и тесно, за недостатком мест некоторые слушатели вынуждены были стоять. Более того, многочисленной была и та публика, которая толпилась в здании университета и умоляла, «иногда даже буквально-таки со слезами, пропустить на лекцию без билета». Об интересе одесского общества к работе Педагогического Отдела в этом направлении свидетельствовали также крупные пожертвования на устройство и в будущем подобных лекций (от графа М.М.Толстого – 200 рублей, от действительного члена Отдела А.П.Ровнякова – 100 рублей). Многочисленные благодарности пришли на имя председателя Отдела от администрации учебных заведений, а также групп учащихся. В Отчете приведена запись одной из слушательниц, ученицы Одесского Женского Коммерческого Училища Е.А.Бухтеневой: «Будьте уверены, что молодежь оправдает Ваши надежды. Она вполне оценит и поймет Н.В.Гоголя, этого чуткого, непонятого современниками писателя и человека». В связи с тем, что не все желающие могли присутствовать на чтениях, в учебных заведениях было принято решение поручить наиболее способным учащимся подготовить «экстракт» прослушанных лекций, сдать преподавателю русского языка и после поправок «прочитать подругам и товарищам» [4, с. 206].

По материалам Летописи Историко-филологического общества университета можно судить и о содержании прочитанных лекций. Выступивший 22 февраля с лекцией «Гоголевский смех» Н.А.Редько постарался раскрыть важнейшие стороны дарования, деятельности и значения этого писателя. 1 марта А.Д.Щербиной была прочитана лекция «Н.В. Гоголь и герои его великих творений». Подобно автору «Мертвых душ», лектор выделил два типа поэтов: «у одного поэта мы видим исключительный интерес к воспроизведению жизни, другой преимущественно порывается ввысь и как бы совсем забывает о земле с ее радостями и горем»; один «несет в своей руке светлый факел, освещающий цель, для которой общество должно стремиться», а другой «раскрывает общественные язвы, невидимые для взора невнимательного наблюдателя, выносит наружу всю тину общественных

недостатков и своим беспристрастным пером залечивает их, пользуясь для этого страшным орудием – смехом». Ко второму типу писателей он и отнес Н.В.Гоголя. Эмоциональность выступления А.Д. Щербины усиливали стихи, которыми он перемежал свои рассуждения. Завершая его, лектор обратился к слушателям с призывом, чтобы молодое поколение с любовью увлеклось изучением творений Н.В. Гоголя, «этого правдивого зеркала-показателя, при наличии которого личные наблюдения получают должное освещение, облагораживая и возвышая человека, этой поэтической летописи той Руси, которую видел Гоголь из своего «чудного прекрасного далека», которая какой-то «непостижимой тайной силой» влекла к себе, той Руси, где было место «развернуться и пройти» ему – богатырю» [4, с. 193].

Прочитанная 8 марта Г.П. Бельченко лекция называлась «Духовная драма Гоголя». Сравнив писателя с «двуликим Янусом», он пояснил, что собирается вести речь о противоречивости личности Гоголя, проявившейся в его сочинениях. Гоголь, говорил он, соединив веселье с унынием, «глядит на нас с улыбкой и думает, скорбя». «Знаем ли мы Гоголя-человека?», - обратился он к своим слушателям. И далее говорил о Гоголе как о, пожалуй, самом трагическом из русских литераторов. «Узел Гоголевской драмы» Г.П. Бельченко связал с особенностями «очень сложной психики» писателя. «Это была, - по его словам, - страшно замкнутая натура, глубоко созерцательная, жившая больше в мире своих поэтических грез. Даже близкие друзья мало знали Гоголя» [4, с. 195]. «В сложной, богато одаренной натуре Гоголя, - говорил Г.П. Бельченко, - были фатально соединены противоречивые стихийные начала, развивавшиеся одновременно, но не одинаково. Отсюда его постоянная душевная неуравновешенность и мучительная тревога». К главным сторонам психики Н.В. Гоголя лектор отнес его «необычайную нервную восприимчивость, источник и великих наслаждений и великих страданий» (при этом он сослался на замечание о Гоголе С.Т. Аксакова: «нервы его в сто раз тоньше наших»), а также «дар “слышать душу человека” и особенно видеть ее обратную сторону» [4, с. 197]. Душу поэта, говорил он, с детства волновали

идеальные порывы. В нем рано пробудилось страстное стремление, сделать что-либо для общественного блага. Чем далее, тем яснее рисовался ему идеал прекрасного человека. Размышляя об источнике душевных мук Гоголя, Г.П. Бельченко пришел к следующему выводу: «в то время, как орлиный взор художника силою общественного инстинкта прикован к земле и парит над нею, освещая все темные закоулки пошлой жизни, сердце поэта, всегда лирически настроенное, рвется в заоблачную высь, подальше от грешной земли, <...>. Суровое поприще комического писателя не раз отравляло душу Гоголя, усиливая его глубокую тоску по идеалу». Среди факторов, усиливших трагизм мироощущения Н.В. Гоголя, Г.П. Бельченко назвал гибель Пушкина и смерть Вильегорского, а также реакцию публики на «Ревизора» и «Мертвые души», не понятых ею так, как ему хотелось бы. Все эти «житейские треволнения» заставили Гоголя погрузиться в себя, в свой «душевный монастырь». Но и здесь, по словам Г.П. Бельченко, он не нашел покоя. Напротив, обнаружил «много темного, загадочного, тревожного» в собственной душе. В результате возобновился тот суд над собою, к которому он привык еще с детства и который превратился в «мучительное самобичевание». До некоторых пор, говорил Г.П. Бельченко, Гоголь сохранял верность «единственному предмету его помышлений», «Мертвым душам», не оставляя «своего заветного труда». Ради него он оставил все «лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал связь со всем, что мило человеку на земле...». Однако «злой физический недуг» подавлял его «поэтический талант». В результате, в порыве отчаяния, он однажды сжег рукописи, «писанные кровью его сердца...». Так и умер Гоголь «с недоговоренною речью», - закончил свое выступление Г.П. Бельченко.

Перед лекцией В.Ф. Чемены, который говорил о влиянии Н.В. Гоголя на развитие русской литературы, а также о понимании Гоголем процесса слияния малороссийского и великороссийского народов как пути к формированию чего-то «совершеннейшего в человечестве», к слушателям обратился председатель Педагогического Отдела и так обозначил цель читаемых лекций: «подвести наиболее отзывчивый на добро и правду возраст к сокровищам высокого ума и

самоотверженного сердца, воплотившимся в деятельности, ходе душевной жизни и творениях Н.В.Гоголя» [4, с.200].

Размышлениям об особенностях природы, судьбы, художественного наследия Н.В. Гоголя были посвящены также многочисленные статьи на страницах одесской прессы. В целом все публикации можно объединить в такие тематические группы: мероприятия, связанные с Гоголевским юбилеем в разных частях страны; сообщения о чествовании Н.В. Гоголя в Одессе; новые факты биографии великого писателя или же его близких (к примеру, С.Г. Гетекомер о встречах с сестрами писателя [5]; попытки разгадки личности Гоголя и пережитой им духовной драмы; оценки творчества Гоголя в целом или же значения отдельных его произведений и образов. Есть среди этих заметок и такие, где знакомые всем одесситам личности предстают в образах гоголевских персонажей, что, несомненно, является свидетельством актуальности сочинений писателя и в 1909 году. Среди них – «маленький фельетон», опубликованный в «Русской речи» от 20 марта 1909 года (№ 980) «Из записной книжки пессимиста: Гоголь в цитатах, посвященных местным современникам-одесситам». Газеты публиковали большое число стихов, посвященных памяти Н.В. Гоголя. Так, один из авторов писал: «При имени твоём, поэт Руси великий, / Родная старина встает передо мной, - / Вся в образах живых, с своей красою дикой, / С борьбой геройскою и пошлостью людскою; / И степь пустынная, с волнистою травою, / Где кони, как в лесу, скрывались меж цветов, / Где в сечах с грозною татарскою ордою / Тупилися мечи отважных казаков; / И пышный, синий Днепр, с водой зеркально-чистой, / Сверкающий, как сталь, среди зелени лесов; / Украинская ночь с луною серебристой / И пеньем соловья и запахом садов; / Простор полей и нив с дорогой столбовою / И тройкой-птицею несущихся коней; / Заглохший старый сад с рябиной, бузиною / И хмелем, выющимся вдоль сучьев и ветвей; / И плачущая мать с истерзанной душою, / Сидящая у ног уснувших сыновей, / И батько-богатырь, жестокою рукою / Несущий месть за смерть геройскую детей...» [6].

Большинство авторов писало о Гоголе преимущественно как о реалисте, особенно выделяя его дар сатирика. Так, И. Урецкий, обозначив в качестве главной своей задачи «вспомнить его заслуги перед родной литературой и остановиться на них», делает вывод, что этот «сатирик по призванию <...> сделал литературу великой обличительной и карающей, нравственно-исправительной и облагораживающей силой» [7]. Близкое понимание Гоголя-писателя высказал Ш. Овсей, объяснивший его сатирический талант тем, что ему «тесно и душно было в эпохе». Главная идея его статьи «Время Гоголя» – несоответствие состояния русского общества тщетным поискам Гоголем «светлого уголка, в котором могла бы приютиться одинокая, но мятущаяся душа его». И вывод, к которому приходит автор статьи: «Гоголь умер, так и не нашедший ничего светлого в окружающем его» [8]. Как видим, на первый план в том портрете Н.В. Гоголя, который был создан Ш. Овсеем, выходит уже не склонность Гоголя к сатире, а противоречие между мечтами писателя и действительностью, а также мотив его одиночества. «Одиночество Гоголя» – так называется статья о писателе другого критика, выступавшего под псевдонимом Лоэнгрин (возможно, Г. Виноградский). Повышенная эмоциональность, являющаяся отличительной чертой его стиля, проявляется уже в начале статьи, которая напоминает «стихотворение в прозе». «Как радостный и светлый бог, пришел Гоголь в русскую литературу, – восклицает Лоэнгрин. – Он ворвался в нее, как солнечный луч. / Он озарил все вокруг себя светом высшей радости. / Пробудил спавшую жизнь. / Звал к счастью вечной красоты. / Туда, кверху! / Но вы знаете хорошо, что значит пробудить русскую жизнь и пронизать ее, тусклую, угрюмую и недоверчивую, солнечным сиянием. / Пробужденная, русская жизнь мстит за свое пробуждение...». Видя особенность русской литературы в том, что она «вся соткана из рефлексивных, из смятений души, из непрерывных и вечных раскаяний», этот автор увидел в Гоголе «какой-то особенно острый» пример русского писателя, а в его жизни – «пример огромного одиночества исключительной натуры».

Обзор статей о Гоголе показывает, что главное внимание их авторов было сосредоточено на истоках его душевной драмы. Чаще всего среди факторов, вызвавших ее, называются влияние на него отца Матвея, то направление, которое получило его воспитание дома со стороны матери, а также несоответствие действительности его идеальным устремлениям. «Мать, - пишет Н. Инбер, - воспитала мальчика святошей, и из родительского дома Гоголь вышел с серьезным религиозно-догматическим опытом и с мечтательно-романтическими намерениями в юной душе. Всюду мерещилась ему некая Земля Обетованная, и к прозаичному Питеру Гоголь подъезжал, охваченный неизъяснимой и тревожной восторженностью. Прекраснейшая Дульцинея оказалась непривлекательной Альдонсой. И Гоголя стало тянуть дальше...»[9].

В ряде случаев критики Гоголя акцентировали внимание на противоречии между навязываемой ему и чуждой, по их мнению, тенденциозностью и его художественным даром. Так, к примеру, в опубликованной в «Одесских новостях» за 19 марта статье «Гоголевский день» ее автор приходит к выводу о том, что трагическая судьба Гоголя «и при жизни, и после смерти» - результат влияния на него «первого русского критика-гражданина» В.Г. Белинского. «Как человек с кристаллически-чистой душой, до самозабвения преданный своим идеалам, стойкий и прямолинейный, <...> Белинский не знал ни идейных колебаний, когда речь шла о счастье России, ни отсутствия гармонии между творчеством художника и его идейным миром. В художественном творчестве автора «Ревизора» и «Мертвых душ» он увидел меч политического борца – и тогда Гоголь в первый раз сделался жертвой Белинского. Не только политическим борцом, но и политическим мыслителем Гоголь никогда не был. Вдохновенное же слово Белинского увлекло самого Гоголя. Он сам уверовал в свою политическую миссию. Этим было положено основание страшным его терзаниям, мучительной борьбе слабой мысли, толкающей в одну сторону, и мощного творчества, толкающего в другую сторону, борьбе, сгубившей и человека, и художника» [10]. «Дух пророка, уверенного в божественности своих слов и грозящего, подобно библейским пророкам, неминуемым

бедствием, если его не послушают, совмещался в нем с аскетизмом кающегося грешника. Самоуничижение, выходящее иногда из границ нормального, доходящее до мании величия, у него совмещалось с самым незаслуженным самоуничижением. Он, - писал другой автор, Л. Черкес, - непонятно совмещал в себе гениальную наблюдательность и знание жизни с наивностью в общественно-политических вопросах. Натура по преимуществу эмпирическая, он был грубым мистиком <...>; постоянная исповедь соединялась в нем с замкнутостью, а страстная любовь к родине – с постоянным стремлением убежать из нее». Стараясь развеять «туман загадочности», которым, по его мнению, была окутана гениальная фигура Н.В. Гоголя, Л. Черкес выделил два «основных момента» в его «душевном деле»: «развитие религиозно-нравственных чувств и неудержимое стремление к общепольной деятельности, которая удовлетворяла бы его субъективно» [11].

Отдельную и, возможно, самую значимую часть материалов, связанных с готовящимся юбилеем, составляют воспоминания одесситов, знавших Гоголя или же тех, с кем он встречался во время своего пребывания в Одессе. Так, к примеру, Л. Мацеевич приводит воспоминания Н.Г. Тройницкого, от которого узнал «сказания об одесской жизни Гоголя» и который признался в авторстве тех стихов, которые он читал в 1880 году на празднике, устроенном в Одессе, а также фрагмент, который не был тогда опубликован, о посещении его дома Гоголем и о тех анекдотах, которые рассказал знаменитый гость во время своего визита.

В ряде подобных публикаций приводятся не только данные относительно того, где жил в Одессе Н.В. Гоголь, чем занимался, каким его видели его одесские знакомые, но и содержится попытка объяснить его душевное состояние. Как, к примеру, С.Я. (возможно, Яков Сиркис), который писал относительно первого приезда писателя в Одессу в 1848 году: «Мистицизм Гоголя вступил тогда в новую мучительную стадию, которая отмечена сомнением великого писателя в себе и своих силах» [12].

Судя по тем немногочисленным, сравнительно с имеющимися в одесской периодике, материалам, на которые мы опирались, готовя это сообщение, для жителей Одессы пребывание Н.В. Гоголя в их городе имело громадное значение и было источником особой гордости. В еще же большей степени они находились под влиянием той духовной силы, которая исходила из творений их великого соотечественника. Немногие из одесситов в 1909 году могли причислить себя к числу его знакомых, но число почитателей таланта Гоголя, вдохновленных его жаждой нравственного воскрешения человека, было неизмеримо.

Примечания:

1. Памяти Н.В. Гоголя // Одесская почта. – 1909. – 21 марта, № 88.
2. Гоголевские дни в Одессе // Одесские новости. – 1909. – 21 марта, № 7771.
3. Отчет Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете за 1808 – 1809 годы. - Одесса: Экономическая типография, 1909.
4. Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете. – 1909. - Т. 18.
5. Т. Воспоминания о семье Гоголя // Одесский листок. – 1909. – 19 марта, № 64.
6. Искра П.Н. Н.В. Гоголю: к столетию со дня рождения (19 марта 1909 г.) / П.Н. Искра // Одесский листок. – 1909. – 15 марта, № 61.
7. Урецкий И. Столетие рождения Н.В. Гоголя (1809-1909) / И. Урецкий // Одесская почта. – 1909. – 19 марта, № 86.
8. Овсей Ш. Время Гоголя / Ш. Овсей // Одесская газета. – 1909. – 19 марта, № 27.
9. Инбер Н. Мистицизм Гоголя / Н. Инбер // Одесские новости. – 1909. - 19 марта, № 7769.
10. Гоголевский день // Одесские новости. – 1909. – 19 марта, № 7769.
11. Черкес Л. «Душевное дело» Гоголя / Л. Черкес // Одесский листок. – 1909. – 18 марта, № 63.

12. С.Я. Гоголь в Одессе // Одесские новости. – 1909. – 19 марта, № 7769.